

UDC 392 (470.21)

Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization?

Pavel V. Fedorov

International Banking Institute, Russian Federation
60, Nevsky av. Saint-Petersburg, 191011
Dr. (History), Professor
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to analysing the historical background of the process of colonization Murman coast of the Barents Sea at the second half of the 19th and the beginning 20th century. It considers two different interpretations of the history of colonization. One of them is the process of checking the Murman coast as a result of Russia imposed Western European initiatives. Another interpretation associates colonization with traditional process of the Russian presence on Murman.

Keywords: colonization; Russia and the West Europe; the Arctic; geopolitics; border; fishing; Finland; Norway; the Kola Peninsula.

Введение. Вопрос о самобытности исторического пути России, соотношение и взаимоотношение собственных и заимствованных ресурсов имеет давнюю традицию в отечественной и зарубежной гуманитарной мысли. Для исследователей истории этот вопрос приобретает не только абстрактный характер, но и вполне конкретные очертания при рассмотрении тех или иных исторических сюжетов. Причем, приграничные российские территории дают поистине уникальную, по своей насыщенности, возможность оценить потенциал русской «почвы» в толще столетий.

Как показывает современная историографическая ситуация, проблема «русского пути» продолжает волновать зарубежное историческое сообщество. К числу недавних примеров можно отнести публикацию норвежского историка Й.П. Нильсена [1], в которой вполне четко прослеживается стремление представить российскую колонизацию Крайнего Севера в качестве если не полностью обусловленной, то, по крайней мере, отражающей историческое развитие Норвегии. Проанализировать данный подход представляется важной задачей современной российской историографии.

Материалы и методы. В данной статье применялись историко-генетический подход, позволяющий анализировать исторический процесс с точки зрения последовательности появления и преемственности составляющих его исторических явлений, а также историко-сравнительный подход, предполагающий сравнение однородных исторических явлений. Работа построена на использовании разработок семиотики, в рамках которой сам процесс колонизации или освоения территории рассматривается в отражениях изменчивого «ландшафтного текста».

Обсуждение. Во второй половине XIX века российская власть решила побороть культурную отсталость одного из традиционных русских рыбопромысловых районов в Баренцевом море путем создания на Мурманском берегу вместо сезонных становищ постоянных поселений, получивших название «колоний».

К рождению данной идеи были причастны генеральный консул в Христиании А. Мехелин и архангельский губернатор Н.И. Арандаренко. Этому же отчасти помогала происходившая в соседнем норвежском Финмарке реструктуризация социально-экономических отношений, которая выталкивала не сумевших вписаться в новые возникающие структуры норвежцев. Последние, воспользовавшись относительной прозрачностью российской границы в этом районе, устремились в более разряженное пространство Мурмана. К концу 1850-х гг. этот процесс стал заметным, заставив архангельские губернские власти направить запрос в центр о возможности переселения норвежцев на Мурманский берег. Центр ответил согласием, с условием принятия переселяющимися норвежцами российского гражданства [2]. Это решение послужило импульсом к началу норвежской колонизации Мурмана, которая тем не менее происходила стихийно и крайне вяло.

В дальнейшем архангельские власти под началом нового губернатора С.П. Гагарина стали разрабатывать более широкий проект заселения Мурманского берега, которые предусматривал предоставление льгот и привилегий лицам, пожелавшим переехать в прибрежную полосу Баренцева моря не только из Норвегии, но и из Финляндии, а также из внутренних российских областей [3].

Началом его реализации стало утверждение Александром II 22 ноября 1868 г. Положения Комитета Министров «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» [4]. В соответствии с ним, русские и иностранные переселенцы на Мурманский берег получали права, которые имели жители поморских районов Архангельской губернии в отношении торговли с Норвегией. Им же предоставлялась привилегия занятия торговлей и промыслами без получения установленных свидетельств в течение 6 лет, а также беспрошленного привоза для собственного

употребления и для продажи в колониях «мануфактурных и других товаров». Каждая поселившаяся на Мурмане семья могла получить государственную ссуду в размере от 50 до 150 руб. с рассрочкой платежа на 6 лет «под круговое ручательство или под обеспечение имуществом». Разработчики Положения считали важным переселение на Мурман финляндцев и норвежцев, имея в виду их приспособленность к жизни в северных условиях. Для облегчения адаптации иностранцев к российским условиям им было предоставлено право подавать на родных языках все прошения и объявления.

Действие Положения 1868 г. фактически было продлено принятым 14 мая 1876 г. Высочайшим Положением «О льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманском берегу» [5]. Новый закон сохранял старые и вводил новые привилегии переселенцам. На неопределенное время для мужчин приостанавливалась воинская повинность; колонисты освобождались от платежа государственных податей и отбывания денежных и натуральных повинностей сроком на 10 лет; на 6 лет продлевалось их право заниматься торговлей и промыслами без свидетельств и билетов. Однако несколько ужесточался режим пребывания иностранцев. Положение обязывало всех иностранных переселенцев принимать подданство России; на общественные должности (волостного, сельского старосты и др.) отныне иностранец мог избираться в случае проживания в пределах России в течение не менее 3-х лет в качестве российского подданного и при условии хорошего знания им русского языка.

Положение 1868 г. вводило термин «колония», а Положение 1876 г. впервые закрепляло за переселенцами статус «колонист».

Появление этих социально-правовых категорий впоследствии предопределило возникновение представления о том, что колонизация Мурманского берега якобы началась в 1860-е гг. и означала процесс заселения береговой полосы посредством введения государственных стимулирующих мер. Такое понимание закрепилось в публицистической и научно-публицистической литературе к началу XX века, а впоследствии переключалось и в историографию [6].

Следует признать данную терминологию не точной. Традиционно «колонизация» означает заселение *пустынного* пространства, тогда как колонии образуются из числа *новопоселенцев*. Для Мурмана и то, и другое не соответствовало действительности. Многие поселения появились на месте уже существовавших тундр и становищ. Возникновение этих сезонных мест русской жизни восходит к XVI веку и связано с зарождением мурманских тресковых промыслов как основы местной экономики в течение всех последующих столетий. К этому же времени, по-видимому, нужно относить и начало колонизации Мурманского берега.

С другой стороны, в так называемые «колонии» влились не только пришлые, но и местные жители: из числа приходивших на Мурман сезонных рыбопромышленников, жителей города Колы, российских саамов, которых некорректно считать *новопоселенцами* края.

Таким образом, с принятием Положений 1868 и 1876 гг. колонизация Мурмана не началась, а продолжилась: она перешла от стихийной к управляемой фазе.

Неточность терминологии тем не менее способствует появлению искаженных исторических образов. Так, норвежский историк Й.П. Нильсен считает, что «соседство с развитым Финмарком было одной из причин, по которой Мурманское побережье считалось отсталым районом, требовавшим особого внимания со стороны правительства. Тому факту, что время, как казалось, застыло в этом отдаленном прибрежном районе Российской империи, еще долго не придавалось бы внимания (это можно было наблюдать во многих частях России), если бы область по другую сторону границы через 25 лет после разграничения не вступила в фазу бурного экономического развития и демографического роста» [7].

Эта концепция «западного образца» нашла своего последователя и в российской историографии. Во всяком случае слова российской исследовательницы Е.А. Ореховой о том, что «бурное экономическое развитие в соседнем Финмарке» спровоцировало колонизацию Мурмана, а начали этот процесс выходцы из Норвегии и Финляндии [8], показывают, что круг замкнулся.

Оценка той политики, которую российское правительство проводило по заселению этого района, несомненно, формирует более глубинное отношение к историческому возрасту и результатам деятельности российской цивилизации на Мурмане. Или эта политика принадлежала к числу инновативных инструментов и выражалась в «культурной прививке» Запада (в частности, скандинавского Севера), или она стала результатом внутреннего самобытного многовекового процесса, в ходе которого на Мурмане зарождались различные формы деятельности русского населения.

За «внутреннюю» мотивацию выступает тот факт, что правительственная поддержка заселения Мурмана не была уникальным явлением в истории Российского государства. В XIX в. центр, пытаясь решать проблему аграрного перенаселения центрально-европейской России, безопасности своих границ и окраин, преодоления экономического застоя, содействовал заселению губерний и областей Сибири, Дальнего Востока, Закавказья, Причерноморья, калмыцких степей [9]. Огромные пространства страны не давали возможности сфокусироваться на каком-то одном направлении; нехватка ресурсов вынуждала государство проводить колонизационные мероприятия на усеченной финансовой базе. Правительство зачастую не имело возможности внедрения глобальных инфраструктурных новаций на местах переселения, что ограничивало возможности промышленно-колонизационной политики и снижало ее эффективность.

Допуская, что внешний образ успешно развивающегося норвежского Финмарка мог стать раздражителем для тех государственных чиновников и общественных деятелей России, кто отстаивал проект заселения Мурмана, нельзя принять данный фактор более значимым в сравнении с тем влиянием, которое оказал на выбор «северных» ориентиров традиционный ландшафт Кольского и шире – Русского – Севера. Уже своей многовековой инерцией он неослабно сигнализировало центру о наличии ресурсных перспектив на Севере, благодаря чему в российском общественном сознании полярные территории всегда воспринимались, хотя и экстремальными, но крайне заманчивыми в ресурсном отношении. Возникшие во второй половине XIX века ручейки переселения потекли на Мурман не только благодаря обещанным государственным льготам, но и в виду относительной обжитости здешнего места, где уже несколько столетий уверенно ступала нога русского человека.

Становища, возникнув на Мурманском берегу в XVI в., оживали весной, наполняясь выходцами из различных поселений и монастырей Русского Севера, а пустели поздней осенью, в окончание промыслового сезона. Среди наиболее крупных становищ, по учету 1608 г., на полуострове Рыбачьем были Типуново, Лавышево, Лок-Наволоок, Кегор. На Восточном Мурмане находились Териберка, Олень, Дальние Зеленцы, Гаврилово. Подавляющую часть населения становищ составляли мужчины. Помогать им могли женщины и дети. Стресс и усталость рыбопромышленников, вынужденных рисковать жизнью в нередко бушующем океане, снимались употреблением алкогольных напитков.

Характер построек – *ста`нов* – свидетельствовал о временности пребывания людей в становищах. Жилые строения были без бытовых удобств, с нарами вместо обычных кроватей.

Амбары, бани, жиротопни, сети, всевозможные приспособления на территории становища были обусловлены необходимостью ведения рыбного промысла или последующей обработкой рыбы. При всей специфичности построек и сооружений, путешественники чувствовали родственную связанность становища с сельским ландшафтом. «Становища – те же села, с тем только различием, что избы здесь разбросаны то одиночками, то группами по небольшим выступам и площадкам утесов», – писал В.И. Немирович-Данченко [10].

Об этой связи напоминало и сакральное пространство. Притом, что храмостроительство в становищах было редким явлением, очевидно, в виду дороговизны, необходимая потребность в Божьем заступничестве перед неистовой силой океана приводила к частой установке поклонных крестов и каменных груд (кеккуров или гурий), которые одновременно служили рыбопромышленникам ориентирами для судоходства [11].

Несмотря на временный состав населения, в становищах так же, как и в постоянных селениях, встречались кладбища («кучки высоких деревянных крестов» [12]), где хоронились промышленники, погибшие во время промысла или умершие от болезней.

Вот эти становища с православным сезонным населением и стали предшественниками колоний, первичным субстратом, на котором во второй половине XIX в. стали вырастать поселения с постоянными жителями.

Численность постоянного населения Мурманского берега росла медленно. Если в 1897 г. она составляла 1897 чел. [13], то в 1911 г. – 3020 чел. [14] Преобладало рассредоточенное заселение, к 1914 г. общее количество «колоний» на Мурмане достигло 57-ми [15].

По данным за 1893-1913 гг., среди официально зарегистрированных переселенцев удельная доля православных (русские, корелы, лопари) была около 56-57 %, лютеран (финны и норвежцы) – соответственно, 43-44 % [16]. В действительности русское присутствие на Мурманском берегу было значительно шире: к числу православных колонистов ежегодно примешивались по-прежнему приходящие на Мурман рыбаки-сезонники из беломорских селений и города Колы, кольские лопари. Значимость сезонного православного населения для культурного ландшафта Мурмана «эпохи заселения» подтверждается, в частности, тем, что возникающие здесь «колонии» не сразу затмили собой становища. Согласно источникам, образующиеся гибриды постоянного и сезонного населения устойчиво разделялись на «становище» и «колонию» [17]. Причем, следы этой дифференциации сохраняются в народной памяти до сих пор [18].

Лютеранский и православный ландшафты на Мурмане в основном не смешивались между собой. Заимствования лучших форм хозяйствования, на что надеялись приверженцы вестернизации, не получилось. Норвежцы и финны предпочитали селиться изолированно от русских и жить своими общинами. Большинство колонистов Западного Мурмана были лютеранами, тогда как колонисты Восточного Мурмана – православными [19]. Напряженность в отношениях русских и иностранцев исконно существовала на Мурмане. С началом заселения она получила новый импульс. Причинами конфликтов становились спорные вопросы при пользовании ресурсами, бытовые ссоры, кражи. За период с 1866 по 1881 год только в судебном порядке рассматривалось 13 фактов столкновений между русскими и иностранцами на Мурмане [20]. Например, в 1875 г. произошла драка между русскими и норвежскими рыбаками на Айновых островах [21]. А в 1878 г. столкнулись интересы норвежской яхты «Превень» с командами русских судов «Св. Сергей» и «Общее счастье» [22].

Норвежцы торговали на Мурмане ромом, чем вольно или невольно способствовали деморализации местного населения. Русским властям пришлось принимать меры для решения этой непростой проблемы [23].

Система расселения на Западном Мурмане, где среди поселенцев преобладали лютеране, отличалась от православного Восточного Мурмана. На Западном Мурмане жилые постройки колонистов, отвечая духу индивидуализма и логике расположения лучших покосов, находились на значительном расстоянии друг от друга. На Восточном Мурмане дома выстраивались кучно, «в улицу» – в соответствии с традицией русского «мира» [24].

Центрами русского присутствия на Мурмане стали «колонии», в которых преобладало православное население: Базарная, Восточная Лица, Гаврилово, Гагарка, Голицыно, Гусиный ручей, Дворы, Екатерининская гавань, Еретики, Зарубиха, Захребетная, Золотая, Зубовка, Ивановка, Кильдин, Кислый ручей, Китовка, Китовский остров, Княжуха, Кулоньга, Малооленье, Минькино, Монастырская, Оленья гора, Оленка, Печенга, Платоновка, Подпахта, Порчниха, Рында, Териберка, Трифонов ручей, Трящино, Харловка [25]. Во многих образованных русских поселениях были построены церкви и часовни.

Внешний облик православных поселений формировался постепенно, от неказистых жилищ ко вполне уже сельскому виду. В качестве примера можно рассмотреть становище и «колонию» Териберку, где традиционно преобладало православное население. Писатель В.И. Немирович-Данченко в 1873 г. увидел здесь становище, а позади него всего три избы и две землянки, принадлежащие колонистам [26]. Спустя четверть века в Териберской «колонии» уже имелись 30 дворов с 200 поселенцами, а также два храма с причтом [27].

Статистический отряд под руководством Н.В. Романова, обследовавший Териберку в 1899 г., зафиксировал, что жилищные и бытовые условия в становище были заметно хуже, чем в «колонии». Жилые постройки териберских колонистов делились на комнаты. В домах имелась мебель, на столах – скатерти. Рядом с домами возводили туалеты. Действовал колодец с пресной водой.

Другая картина была в становищах. В жилищах сезонных рыбаков, состоявших из одного помещения, было тесно. Туалетов в становищах не строили, за пресной водой приходилось ходить в «колонию» или за реку, к горным ручьям [28].

Визуализация становища с более низким бытовым уровнем не мешала населению «колонии» в создании нового порядка жизнеустройства, поскольку и в приходивших из беломорских селений сезонных рыбопромышленниках, и в колонистах-поселенцах, несмотря на разную мотивацию пребывания на Мурмане, жили общие представления о традиционном стандарте русской сельской культуры.

В отсутствие населения становища жители «колонии» брались за определенную плату присматривать за имуществом промысловых станом [29].

Вместе с бытовой устроенностью на Мурмане появлялась семейная культура. Согласно метрическим книгам, в Териберском православном приходе за 1886-1900 гг. было зарегистрировано 44 брака, а за последующие два десятилетия – уже 82. Росло и число рождений: в 1901-1920 гг. в Териберском приходе их было зарегистрировано 364, что больше, чем за период 1886-1900 гг., в 2,4 раза [30]. С появлением поколенческой структуры населения отсутствие укорененности – то единственное, что отличало «колонии» от традиционных сельских образований в Беломорье, – переставало бросаться в глаза.

Согласно опубликованным М. Йентофтом выпискам из финских церковных книг, укрепление семейной структуры происходило и среди лютеранского населения Мурмана [31].

Мурманский берег стремительно менял свой облик. С 1870-х гг. населенные побережья Белого и Баренцева морей связало пароходное сообщение [32]. В 1895 г. на Кольском Севере началось сооружение телеграфа. Контактные провода были протянуты из внутренних районов России до Колы и далее по Мурманскому берегу [33]. В начале XX века в крае появился телефон. Переговорные телефонные пункты «для общего пользования» открылись при почтовых учреждениях во многих населенных пунктах Мурманского берега [34].

В самом северном центре православия – Трифоно-Печенгском монастыре, известном своей охранительной и просветительской ролью на приграничных землях Западного Мурмана, где жило много лютеран, появились электричество, телефон, лесопилка и столярные станки с водяным двигателем, моторные лодки, подземный водопровод с водокачкой, кирпичный завод, 16-километровая дорога с мостами и водоводами. Правда, посетивший Печенгу в 1911 г. журналист Е.В. Гешин, аллегорично сравнивая монастырь с «прекрасным аэропланом, в блеске и с силой красиво проносающимся над головами каких-нибудь папуасов», считал, что население Мурманского берега, хотя и видело в нем те или иные «высшие формы хозяйствования», заимствовать их в силу традиционного уклада жизни не могло [35].

Результаты. Таким образом, комплекс мероприятий, проводивший царским правительством на Мурманском берегу Баренцева моря во второй половине XIX – начале XX в., способствовал постепенному окультуриванию дальней северной окраины. Но что особенно важно подчеркнуть, данный процесс был вызван не только и не столько «западным образом», сколько опирался на вполне самобытную многовековую традицию русского присутствия на побережье Баренцева моря.

Примечания:

1. Нильсен Й.П. Мурман и Финмарк: одного ли поля ягоды? (сравнительный методов в изучении политики царской администрации по освоению Мурманского побережья) // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сб. статей. М.-Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001. С.33-45.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗ-II). Т.XLII. № 36122а.
3. Шрадер Т.А. Колонисты на Мурманском побережье // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. 2005. № 5. С.116.
4. ПСЗ-II. Т.XLIII. № 46467.
5. ПСЗ-II. Т.LI. № 55934.
6. См.: Ушаков И.Ф. Кольская земля: Очерки истории края в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. С.310; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман: Очерки история края XIX – начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С.3; Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX - первой трети XX вв.: дисс... канд.ист.наук. СПб., 2009. С.252.
7. Нильсен Й.П. Ук. соч. С.36-37.
8. Орехова Е.А. Ук. соч. С. 44, 46.
9. См.: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: МГУ, 1996. С.392-488.
10. Немирович-Данченко В.И. Страна холода. В 2-х т. Изд. 2-е. СПб.: П.П. Сойкин, [1903]. Т.1. С.66-67.
11. Ушаков И.Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. 1997. № 2. С.60.
12. Немирович-Данченко В.И. Ук.соч. С.67.
13. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т.1. С.408-409.
14. Там же.
15. Там же. С.435.
16. Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.52; Ушаков И.Ф. История Кольского Севера в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. С.112.
17. См.: Материалы по статистическому исследованию Мурманна. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1902. Т.П. Вып.I. С.1, 1, 28, 42, 96, 129 ; Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. СПб.: Глав. Гидр. Управл. Морского мин-ва, 1909. С.36-38.
18. Человек – место – память: Мемориальная культура старожильского населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций / Под ред. П.В. Федорова и А.А. Малашенкова. Мурманск: МГТУ, 2013. С.388.
19. Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.49.
20. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф.1. Оп.8. Т.1. Д.1626. Л.65-82.
21. Там же. Л.64.
22. Там же. Л.65-82.
23. ПСЗ-III. Т.VI. № 3442; Там же. Т.XVIII. № 15688; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.58-73.
24. Статистические исследования Мурманна. СПб., 1904. Т.I. Вып.II. С.112-113.
25. Орехова Е.А. Ук. соч. С.290-305.
26. Немирович-Данченко В.И. Ук.соч. С.157.
27. Сиденснер А. Ук. соч. С.38.
28. Материалы по статистическому исследованию Мурманна. СПб. Тип. Исидора Гольдберга,, 1902. Т.П. Вып.I. С.140.
29. Там же. С.22.
30. Подсчитано по: Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.136-И. Оп.1. Д.22-27, 29, 31, 34-38, 38-40, 43, 45, 46, 50, 53, 56-58, 60, 64, 65, 67, 68, 72, 76, 79, 84, 87, 90, 92, 94.
31. Йентофт М. Оставшиеся без родины: История кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. С.227-234.
32. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т.1. С.312-317, 400-402.
33. Там же. С.405.
34. Там же; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.185.
35. Гешин Е.В. Трифоно-Печенгский монастырь. Из путевых впечатлений // Русская мысль. 1913. Кн. V. С. 69.

References:

1. Nil'sen I.P. Murman i Finmark: odnogo li polya yagody? (sравnitel'nyi metodov v izuchenii politiki tsarskoi administratsii po osvoeniyu Murmanskogo poberezh'ya) // Menyayushchayasya Rossiya v izmenyayushchemsya mire: Sb. statei. M.-Arkhangel'sk: Pomorskii gos. un-t, 2001. S.33-45.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroje. (PSZ-II). T.XLII. № 36122a.
3. Shrauder T.A. Kolonisty na Murmanskom poberezh'e // Vestnik «Barents-tsentra» MGPU. 2005. № 5. S.116.
4. PSZ-II. T.XLIII. № 46467.
5. PSZ-II. T.LI. № 55934.
6. Sm.: Ushakov I.F. Kol'skaya zemlya: Ocherki istorii kraya v dooktyabr'skii period. Murmansk: Kn. izd-vo, 1972. S.310; Popov G.P., Davydov R.A. Murman: Ocherki istoriya kraya XIX – nachala XX v. Ekaterinburg: UrO RAN, 1999. S.3; Orekhova E.A. Kolonizatsiya Murmanskogo berega Kol'skogo poluostrova vo vtoroi polovine XIX - pervoi tretii XX vv.: diss... kand.ist.nauk. SPb., 2009. S.252.
7. Nil'sen I.P. Uk. soch. S.36-37.

8. Orekhova E.A. Uk. soch. S. 44, 46.
9. Sm.: Lyubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizatsii. M.: MGU, 1996. S.392-488.
10. Nemirovich-Danchenko V.I. Strana kholoda. V 2-kh t. Izd. 2-e. SPb.: P.P. Soikin, [1903]. T.1. S.66-67.
11. Ushakov I.F. Kol'skii krest // Nauka i biznes na Murmane. 1997. № 2. S.60.
12. Nemirovich-Danchenko V.I. Uk. soch. S.67.
13. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedeniya. Murmansk: Kn. izd-vo, 1997. T.1. S.408-409.
14. Tam zhe.
15. Tam zhe. S.435.
16. Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.52; Ushakov I.F. Istoriya Kol'skogo Severa v dosovetskoe vremya: Istoriko-kraevedcheskii slovar'. Murmansk: Kn. izd-vo, 2001. S.112.
17. Sm.: Materialy po statisticheskomu issledovaniyu Murmana. SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1902. T.II. Vyp.I. S.1, 1, 28, 42, 96, 129 ; Sidensner A. Opisanie Murmanskogo poberezh'ya. SPb.: Glav. Gidr. Upravl. Morskogo min-va, 1909. S.36-38.
18. Chelovek – mesto – pamyat': Memorial'naya kul'tura starozhil'cheskogo naseleniya severnykh raionov Kol'skogo poluostrova v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii / Pod red. P.V. Fedorova i A.A. Malashenkova. Murmansk: MGGU, 2013. S.388.
19. Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.49.
20. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (GAAO). F.1. Op.8. T.1. D.1626. L.65-82.
21. Tam zhe. L.64.
22. Tam zhe. L.65-82.
23. PSZ-III. T.VI. № 3442; Tam zhe. T.XVIII. № 15688; Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.58-73.
24. Statisticheskie issledovaniya Murmana. SPb., 1904. T.I. Vyp.II. S.112-113.
25. Orekhova E.A. Uk. soch. S.290-305.
26. Nemirovich-Danchenko V.I. Uk. soch. S.157.
27. Sidensner A. Uk. soch. S.38.
28. Materialy po statisticheskomu issledovaniyu Murmana. SPb. Tip. Isidora Gol'dberga,, 1902. T.II. Vyp.I. S.140.
29. Tam zhe. S.22.
30. Podschitano po: Gosudarstvennyi arkhiv Murmanskoi oblasti (GAMO). F.136-I. Op.1. D.22-27, 29, 31, 34-38, 38-40, 43, 45, 46, 50, 53, 56-58, 60, 64, 65, 67, 68, 72, 76, 79, 84, 87, 90, 92, 94.
31. Ientoft M. Ostavshiesya bez rodiny: Istoriya kol'skikh norvezhtsev. Murmansk: Reklamnaya poligrafiya, 2002. S.227-234.
32. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. Murmansk: Kn. izd-vo, 1997. T.1. S.312-317, 400-402.
33. Tam zhe. S.405.
34. Tam zhe; Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.185.
35. Geshin E.V. Trifono-Pechengskii monastyr'. Iz putevykh vpechatlenii // Russkaya mysl'. 1913. Kn. V. S.69.

УДК 392 (470.21)

**Мурманский берег Баренцева моря
во второй половине XIX – начале XX века.
Российская или европейская колонизация?**

Павел Викторович Федоров

Международный банковский институт, Россия
Невский пр., 60, Санкт-Петербург, 191011
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу исторических предпосылок процесса колонизации Мурманского берега Баренцева моря во второй половине XIX – начале XX в. Рассматриваются две трактовки колонизационной истории. Одна из них представляет процесс заселения Мурманского берега как результат навязанной России западноевропейской инициативы. Другая трактовка связывает колонизацию с многовековым самобытным процессом расширения российского присутствия на Мурмане.

Ключевые слова: колонизация; Россия и Запад; Арктика; геополитика; граница; рыболовство; Финляндия; Норвегия; Кольский полуостров.